

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

Золотое правило в античной культуре

Аннотация. Предлагаемая статья является продолжением серии публикаций автора, посвященных общему историческому очерку Золотого правила; первая из них – «Золотое правило по Конфуцию» – была помещена в предыдущем выпуске журнала НИИ прикладной этики.

В ней дается общее представление о Золотом правиле в культуре и философии античности дохристианского периода. Приводятся основные источники и контексты, в которых оно встречается. Показано, что в целом в данную эпоху Золотое правило осталось на уровне одной из сентенций практического благоразумия.

Ключевые слова: Золотое правило, античные нравы, Аристотель, софисты, Исократ.

На Западе не было своего Конфуция. Истоки его культуры, насчитывающей более 2500 лет, хотя и не лишены заметных разрывов, но, тем не менее, в целом внутренне единой линии развития, отмечены многообразием имен. Основополагающие идеи и ценности западной культуры формировались в напряженных спорах, были нагружены живыми страстями и существовали в различных обликах. Принуждающая сила доказательств была для нее выше обязывающей силы авторитета, что нашло яркое выражение в акцентированном интеллектуализме античной этики. Именно это обстоятельство, на мой взгляд, в значительной мере обусловило судьбу Золотого правила в данную эпоху.

Одно общее замечание прежде, чем рассмотреть фактическую сторону дела. Люди могут мыслить и действовать в логике Золотого правила без прямой апелляции к его известной формуле, точно так же, как, например, они говорят на родном языке, не давая себе отчет в его грамматических нормах. Античные нравы в этом отношении не составляют исключения. В них можно найти достаточно свидетельств того, как люди в своих действиях и оценках, не зная Золотого правила и не фиксируя его именно как правило, следуют в направлении очень близком его фактической логике. В широком смысле можно даже назидательную поэму «Труды и дни» Гесиода считать выдержанной в духе Золотого правила, имея в виду, что Персей нарушил его, действуя по отношению к своему брату не так, как хотел бы, чтобы тот действовал по отношению к нему; хотя сама эта норма в

поэме не сформулирована. Басни Эзопа среди прочих уроков житейской мудрости содержат аллегории, близкие по духу логике Золотого правила: предостерегают совершать против других зло, которого не хотели бы по отношению к себе, но непременно получают его в ответ; показывают также, как они сами попадают в беду, которую готовят другим; учат, что боги наказывают бесчестных и поддерживают честных.

Существует традиция интерпретировать в духе Золотого правила приводимое Диогеном Лаэртием высказывание Аристотеля, который на вопрос, как вести себя с друзьями, ответил: «Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с нами» [4, 194]. Это суждение коррелирует с другим приводимым в том же источнике утверждением Аристотеля (можно даже считать иной его формулировкой). «На вопрос, что есть друг, он ответил: «Одна душа в двух телах» [4, 193]. Если рассмотреть эти гномы в контексте аристотелевского учения о дружбе, то можно сделать заключение, что основная их мысль состоит в отождествлении дружественности с добродетельностью. Аристотель считает (это одна из центральных идей его этики), что мерой добродетельных поступков, в конечном счете, является сам добродетельный индивид, который исходит из самого себя и стремится к добродетели ради самой добродетели. Он, добродетельный индивид, как и всякий человек, желает блага прежде всего себе, отличаясь от других тем, что само это благо он видит в том, чтобы развивать в себе лучшие человеческие черты, быть добропорядочным. Его в этом смысле можно даже назвать настоящим, изысканным себялюбцем, потому что себе он оставляет лучшее. Мысль о суверенности морального субъекта, о том, что он сам задает нормы своего поведения и является их высшим судьей, базовой для Золотого правила, но не исчерпывает его логики. Для Золотого правила не менее, пожалуй, даже более важно, во всяком случае более специфично, продолжение этой мысли, заключающееся в ее распространении на отношения с другими людьми. У Аристотеля такого продолжения мы не находим. Весь его пафос состоит в том, чтобы сузить адекватную внешнюю форму добродетельных отношений дружеским кругом в его высшей, редкой и численно предельно ограниченной форме и показать, что дружба достигает высшей формы тогда, когда к другу относятся так, как к самому себе. Заостряя свою мысль до предела, он особо подчеркивает, что «добродетельному надлежит быть себялюбом» и что он «желает проводить время сам с собой», в то время как «порочные ищут, с кем вместе провести время, избегая при этом самих себя» [1, 258, 250, 251]. Золотое правило в его специфичности не нашло места в этике Аристотеля. Тем не менее его опыт, заклю-

чающийся в том, что он в процессе исследования дружбы пришел к формулировкам, близким к Золотому правилу, очень ценен. Он показывает, что дружба была одной из тех начальных форм межлических отношений, в которых это правило реально практиковалось.

Такого рода свидетельства можно умножить, они по-своему ценны, ибо показывают, что за Золотым правилом стоит и ему предшествует живой нравственный опыт, но тем не менее само правило не только выражает этот опыт, оно само становится его частью, обогащает и качественно преобразует его. Более того, мы не вычитываем из предшествующего нравственного опыта, а задним числом «вчитываем» в него соответствующую логику: находим в нем некое соответствие Золотому правилу только потому, что заранее предполагаем найти ее. Известный методологический принцип, согласно которому анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны, применим также к познанию общественных процессов, когда речь идет о соотношении их различных складывающихся в ходе исторического развития качественных состояниях. Как остроумно кто-то заметил, древние греки сами не знали, что они являются древними. Это знаем только мы. И если мы находим у них предпосылки и тенденции, которые, развившись, привели к средним векам и нашему времени, то только потому, что специально ищем их там, зная, что они там имеются. Если же рассматривать ту эпоху саму по себе, встав, насколько это возможно, на точку зрения самих древних греков, то там нельзя найти никаких признаков того, что они древние и что та эпоха должна получить продолжение в качественно иных последующих общественных состояниях.

Применительно к интересующему нас предмету, это означает следующее: Золотое правило, поскольку оно обозначает качественно новый этап духовно-нравственного развития, нельзя вывести из предшествующего ему нравственного опыта, хотя в нем, разумеется, и заключаются его стихийно практикуемые предпосылки. Однако после того, как оно возникло, сформулировано и заявлено в качестве правила поведения, оно по-другому освещает предшествующий опыт и позволяет увидеть в нем собственные предпосылки и зачаточные формы. Генезис Золотого правила следует, на мой взгляд, понимать более конкретно и связывать с появлением какого-либо из вариантов его хорошо известной формулы, заключающей в себе совершенно определенную и саму по себе достаточную схему отношения человека к другим людям.

Самым ранним упоминанием Золотого правила в греческой античности считается то место из «Одиссеи» Гомера, в котором богиня

Калипсо, желая уверить Одиссея в искренности ее намерения отпустить его домой, говорит:

«...тебе никакого вреда не замыслила ныне,
Нет, я советую то, что сама для себя избрала бы,
Если бы в таком же была, как и ты,
затрудненье великом» [3, 59].

Золотое правило Диоген Лаэртский влагает в уста Фалеса – первого среди Семи греческих мудрецов и среди философов: Фалес на вопрос, какая жизнь самая лучшая и справедливая, ответил: «Когда мы не делаем того, что осуждаем в других» [4, 66]. Оно встречается в «Истории» Геродота, в ней его в качестве мотива и обоснования своего решения произносит правитель Меандрий, когда он в отличие и в противовес своему предшественнику, Поликрату, решил передать власть народу: «Я сам ни за что не стану делать того, что порицаю в моем ближнем. Я ведь не одобрял владычества Поликрата над людьми равными ему, и порицаю всякого, кто творит подобные деяния» [2, 182]. Аналогичным образом рассуждает Ксеркс, отказываясь казнить спартанцев, посланных в качестве жертв во искупление вины за осуществленное ранее Спартой, в нарушение обычая убийство послов, и говоря, что «сам же он не желает подражать им в том, что достойно порицания, а потому не умертвит послов, но снимет с лакедемонян вину за убийство» [2, 136].

Во всех этих ранних случаях употребления Золотое правило не обрело еще своей законченной формы, тем не менее оно очень близко к этому и совершенно несомненно уже заключает в себе его базовую схему: отношение субъекта к своему контрагенту строится не на основе качественных характеристик последнего, а исходя из собственных представлений субъекта о том, что он считает достойным избрания и порицания. Оно фигурирует еще не как истина, а как мнение лица, которое его высказывает, лица, хотя и авторитетного, но тем не менее в своей авторитетности не безусловного; и оно по своему ценностному весу, конечно, никак не может быть сопоставимо с такими признанными утверждениями, как, например, надписи на фронтоне Дельфийского храма: «познай самого себя»; «ничего сверх меры». Далее его вряд ли формулировали в качестве общего правила, оно имеет скорее ситуативный характер. Так, даже у Фалеса, формулировка которого из приведенных ближе всего к адекватной, Золотое правило соседствует с прямо ему противоположными утверждениями: на вопрос, «когда легче всего переносить несчастье», он ответил, «когда видишь, что врагам еще хуже» [4, 66]; еще он будто бы благодарил судьбу за то, что является эллином, а не варваром.

Золотое правило зафиксировано также у поздних стоиков, в частности, у Сенеки и Эпиктета. Говоря, что наряду с законами, в отличие от них и в дополнение к ним, важное значение в воспитании имеют также поучения мудрых наставников, Сенека в ряду коротких, но весомых примеров такого рода поучений ссылается на высказывание, созвучное Золотому правилу: «Что ты другим, того же от других ты жди» [8, 94, 43]. Считается, что его он заимствовал из широко популярных «Сентенций» близкого ему по нравоучительному духу актера Публия Сира [6]. Утверждая, что к рабам надо относиться с учетом того, что они в природном отношении такие же люди, как и их хозяева, и принимать в расчет только их роль и нравы, приводя многочисленные примеры жестокости, надменности и сварливости в обращении с ними, Сенека обобщает свою мысль следующим образом: «Вот общая суть моих советов: обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобой обходились стоящие выше» [8, 78]. Применительно к особому случаю отношения к рабам и в контексте космополитизма как природного равенства людей формулирует Золотое правило также Эпиктет: «Чего не желаешь себе, не желай и другим; тебе не нравится быть рабом – не обращай в рабство других» [7, 256].

Для стоиков Золотое правило остается моральным наставлением, притом одним из многих, и в этом смысле приходится удивляться не тому, что они прибегают к нему, а тому, учитывая их акцентированную склонность к моральным поучениям, что делают это так редко. Они, конечно, в его осмыслении делают колоссальный шаг вперед, увязывая Золотое правило с космополитическим взглядом на мир и рассматривая его как такое расширение морально значимого пространства, которое позволяет и обязывает включать в него всех людей, в том числе рабов. Однако надо иметь в виду, что для стоиков добродетель характеризует внутреннее отношение человека к перипетиям своей судьбы, над которыми он не имеет никакой власти. И в этом смысле Золотое правило в лучшем случае остается в области надлежащего поведения, обладающего лишь относительной ценностью.

Софистам принадлежит решающая заслуга в выделении этики как самостоятельного аспекта философии. Ключевой стала их идея об отличии человеческих установлений (законов, норм, нравов, обычаев) от законов природы. Законы природы, соответственно и природные процессы в человеке, как подчеркивали софисты, неотвратимы и везде (для всех) одни и те же. А все, что исходит от человека, что опосредовано его сознательными решениями, является произвольным, случайным (если, рассуждал Антифонт, посадить в землю

оливу, то вырастет олива, если же посадить скамью, сделанную из оливы, то опять вырастет олива, но никак не скамья) и вариативным, разнообразным и изменчивым (не одни и те же законы и обычаи в разных городах, а тем более у разных народов). Софисты фактически выделили человеческую деятельность и складывающиеся в ее результате отношения между людьми как особую реальность и тем самым поставили философию перед необходимостью исследовать, в чем заключается собственно человеческая мера вещей. Одним из основных предметов их рассмотрения стали моральные нормы и добродетели. Среди прочего также Золотое правило.

Ряд суждений о Золотом правиле мы находим у софиста Исократ (436-338 до н.э.), оратора и публициста, активно вовлеченного в общественно-политическую жизнь. Он обращается к нему по разным поводам и сопрягает с разными аргументами. В речи «Панегрикс», призывающей греческие города объединиться для борьбы с варварами, он апеллирует к древним, которые «считали необходимым твердо следовать заключенным соглашениям как законам природы... относились к более слабым так, как хотели бы, чтобы более сильные относились к ним самим». [5, 59] Предполагаемая Золотым правилом соразмерность сторон, вступающих в отношения между собой, рассматривается как нечто родственное праву, о чем прямо говорится в судебной речи, завершающейся утверждением: «Вынесите справедливое решение и будьте для меня такими судьями, перед какими и вы сами хотели бы предстать» [5, 419]. Та же мысль об этом правиле и само оно в совпадающих с приведенными или близкими к ним формулировках как поведенческом аналоге справедливости и свидетельстве политического благоразумия проводится в двух речах к кипрскому правителю Николу, в одной из которых говорится о том, как надо осуществлять царскую власть, а в другой – как надо ей подчиняться. Не только политическое благоразумие, но и житейская мудрость является для Исократ важный аргументом в пользу Золотого правила. В речи «К Доминику», заключающем наставления сыну друга, Исократ несколько раз ссылается на Золотое правило как на разумный способ поведения по отношению к родителям («будь по отношению к родителям таким, каким ты хотел бы видеть по отношению к себе собственных детей»), средство заслужить уважение («более всего будешь пользоваться уважением, если будет видно, что ты не делаешь другим того, чего сам бы порицал в других»), способ справиться с гневом («в гневе ты будешь относиться к провинившимся так же, как ты хотел бы, чтобы и другие относились к тебе в подобном случае») [5, 13, 14].

Софистам противостоял Сократ. Если первые дискредитировали повседневное убеждение, согласно которому человек в своих желаниях нацелен на благо, хочет быть добродетельным, считая это иллюзией и низводя добродетель до вполне осязаемого материального и социального личного благополучия, то Сократ отнесся к этому убеждению вполне серьезно и считал, что человек стремится к благу, хочет быть добродетельным и его беда, в преодолении которой должна помочь философия, состоит в том только, что он не знает, в чем заключается добродетель. И он видел свою задачу в том, чтобы раскрыть тайну добродетели, дать ее общее понятие. Это по сути означало, что добродетель сама по себе не может быть путеводителем, этот «фонарь» нужно еще зажечь, что является делом философского познания. Так этика была поставлена в зависимость от гносеологии. Из такой зависимости вытекало, что ни одно моральное положение само по себе не могло претендовать на то, чтобы стать безусловной направляющей основой поведения. Для этого оно должно было доказать свое право быть моральным. В рамках такого взгляда на иерархию движущих сил человека Золотое правило было обречено на то, чтобы быть одной из сентенций, жизненным поучением, нормой благоразумия, каким оно, в целом, и оставалось в античную эпоху.

Список литературы

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.4. М.: Мысль, 1983.
2. *Геродот*. История. Книга III,142.Л., 1972.
3. *Гомер*. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. Песня V,187-189. М.: Наука, 2000.
4. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1986.
5. *Исократ*. Речи. Письма; малые аттические ораторы. М.: Ладомир, 2013.
6. *Публий Сир*. Сентенции // [Электронный ресурс]. URL: <lingvo.asu.ros>
7. Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995.
8. *Сенека*. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977.